

## Раса Чепайтене

### Проблемы охраны и интерпретации археологического наследия

*Из книги: Раса Чепайтене. Культурное наследие в глобальном мире.*  
Вильнюс: ЕГУ, 2010. – С. 191-205.

*«Археология как культурная практика –  
это всегда политика, всегда мораль»<sup>22</sup>*

Как достоверно показал британский археолог Д. Лоуэнталь, опираясь на западное понятие, прошлое понимается как что-то существенно отличное от настоящего или, пользуясь его известной метафорой, является труднодоступной «зарубежной страной». Однако это «что-то» все-таки надеются узнать и понять благодаря системным и беспристрастным научным исследованиям. Тем не менее западные люди, к сожалению, так и не смогли надлежащим образом решить другую проблему, связанную с практической охраной материальных реликтов прошлого – т.е. неизбежной необходимости выбирать между материей хранимого артефакта или аутентичностью его формы, субстанции<sup>23</sup>. Как уже отмечалось, западная охрана наследия больше склонна сохранять аутентичность материи артефактов – консервативными и реставрационными средствами пытаться остановить процесс их старения и распада. Однако, на взгляд археолога, то, что мы считаем таким образом «сохранным», неизбежно будет так или иначе изменено или переработано. Исходя из этого он приходит к довольно шокирующему выводу: такая стратегия охраны ведет к созданию иллюзии аутентичности, что становится большим препятствием на пути познания прошлого. Даже поддерживая эту радикальную позицию, приходится констатировать, что именно археологические реликты «менее обманчивы» и в определенном смысле действительно позволяют нам ощутимо почувствовать далекое прошлое.

Видимо, и по этой причине археология с момента ее появления отличалась особой привлекательностью. В массовой западной культуре она воспринималась не только (и не столько) как наука и чуть ли не единственная дисциплина, способная объективно проникнуть в тайны происхождения человека и цивилизации, но, скорее, как смелые и часто опасные приключения в поисках сказочных кладов в далеких странах. Археологи часто изображались (и изображаются) бесстрашными авантюристами, немногим отличающимися от их предшественников – разорителей кладбищ. Так же как несколько ранее этнология, археология в XIX в. даже считалась одной из форм романтического эскапизма, воплощающей бегство от сложностей настоящего в славное прошлое, от серой повседневности – в экзотику. Кроме того, обе эти дисциплины объединяли и разнообразие образа жизни человеческих сообществ, и поиск их различий – как во времени (археология), так и пространстве (этнология)<sup>24</sup>. В процессе создания национальных государств в XIX в. археология получает еще одну функцию: иллюстрировать историческую долговечность конкретной нации и ее культурные достижения.

Специалисты раньше или позже сталкиваются с проблемой поля археологических познаний, которое является и незаконченным (всегда будут обнаруживаться новые материальные реликты прошлого), и одновременно конвенциональным (никогда не удастся окончательно установить, что на самом деле они значат)<sup>25</sup>. Поэтому, с одной стороны, все увеличивающаяся масса первичных археологических данных и, с другой, – интеллектуальный либерализм стали основными причинами кризиса, возникшего в археологической науке в 70-е гг. XX в.<sup>26</sup> Установка ориентироваться на собирание и описание археологических данных (пережиток антикваризма), бытовавшая до тех пор, наконец стала сменяться пониманием, что без более глубокого и широкого

<sup>22</sup> M. Shanks, C. Tilley, *Social Theory and Archaeology*. Oxford, Polity Press, 1987, p. 212.

<sup>23</sup> David Lowenthal, *The Past is a Foreign Country...*, p. 384.

<sup>24</sup> Alain Schnapp, *L'archéologie. Faire de l'histoire* (sous la dir. de Jacques Le Coff et Pierre Nora). Paris, Gallimard, 1974, vol.II, p.3.

<sup>25</sup> Ibid., p. 4.

<sup>26</sup> K. C Chang, *Rethinking Archaeology*. New York, 1967; D. L. Klarke, *Analytical Archaeology*. London, 1968; J. Deetz, *Invitation to Archaeology*. New York, 1967.

анализа и интерпретации археологический материал остается малоинформативным и эвристически малоценным.

В новых условиях археологии уже недостаточно было чувствовать себя в безопасности и изоляции в своем «сади́ке материальной культуры», недоступном представителям других социальных и гуманитарных наук. Возникло осознание того, что для объяснения собранных данных необходимы прямые связи с другими науками и активная и творческая адаптация их методов и теорий<sup>27</sup>. В ответ на кризис старой теории родилась «новая археология», нацеленная на отказ от коллекционирования и описания случайных изолированных вещей во имя хорошо организованных комплексных исследований, опирающихся на теоретические обобщения трех уровней<sup>28</sup>.

«Новые» археологи, такие как Дэвид Кларк или Льюис Бинфорд, дали понять, что познание прогрессирует не благодаря собиранию данных, а является **следствием теоретического развития**. Поэтому понятно, что вырванный из контекста город, памятник или отдельная вещь – лишь фрагментарный осколок культуры. Это потребовало от археологов акцентировать значение социокультурного контекста. Так, Я. Ходдер утверждает, что «интерес к изделиям без их контекстной информации является антиквариатом, который можно найти в некоторых сферах истории искусства или на рынке искусства. Раскопки предметов, вырванных из контекста <... >, являются их антитезой, в противоположность которой формируется идентичность археологии. Таким образом, подтверждение важности контекста означает и подтверждение важности самой археологии»<sup>29</sup>. В этом отношении «новая археология» в отличие от традиционной дескриптивной уже не удовлетворяется исследованием отдельных объектов, а пытается связать материальные и нематериальные элементы той же культуры<sup>30</sup>. Наконец, все возраставший интерес специалистов к проблемам интерпретации археологического материала позволил воспринимать археологию как солидный источник критического мышления, неизбежно требующий междисциплинарного сотрудничества.

Это направление содержит и немало подводных камней. Так, одним из ярчайших критических процессов XX в. была диверсификация познания. Это позволило не только появиться в 1959 г. известному произведению К.П. Сноу о двух не понимающих друг друга культурах – естественной и гуманитарной<sup>31</sup>, но и спровоцировать опасность междисциплинарного непонимания.

Не случайно именно археология стала одной из важнейших точек пересечения этих различных теоретических и методологических подходов, отразивших неоднородный ее характер. Археологические источники (форма) – материальные, а выводы (содержание) – гуманитарные, поэтому ей приходится применять инструментарий как естественных, так и социальных и гуманитарных наук. Это хорошо иллюстрируют новые тенденции в археологии, которые особенно четко проявляются в процессуальном и постпроцессуальном направлениях.

Представители этих двух в настоящее время значительнейших парадигм иногда оказываются по разные стороны баррикад, обвиняя друг друга, с одной стороны, «в чрезмерном эмпиризме и сциентизме», а с другой – в «идеологической ангажированности и субъективизме». Кроме того, с 80-х гг. XX в. наметилось разделение археологической практики и теории, выразившееся сначала в неомарксизме и структурализме, позднее – в постструктурализме и, наконец, феминизме. Как известно, все эти интеллектуальные течения имели большое влияние на постпроцессуализм. В результате в некоторых направлениях современной археологии выявился резкий перегиб в сторону чистой теории.

Таким образом, начиная с 70-х гг. XX в. археология стала источником познания в двух смыслах. Во-первых, археологические данные интерпретируются как источник для проверки более общих положений или гипотез о прошлом. Во-вторых, возникло понимание, что в этой области уже невозможно ограничиться задачами только «чистой» науки. Поэтому, особенно при возросшей потребности в «спасательной»

<sup>27</sup> Alain Schnapp, *L'archéologie, Faire de l'histoire...*, p. 5-22.

<sup>28</sup> Bruce G. Trigger, *A History of Archaeological Thought*. Cambridge University Press, 1989, P.19-25.

<sup>29</sup> Ian Hodder, *Praeities skaitymas*. Vilnius, Vaga, 2000, p. 152.

<sup>30</sup> *New Perspectives in Archaeology* (ed. by S. R. Binford and L. R. Binford). Chicago, 1968, p. 1.

<sup>31</sup> C. P. Snow, *The Two Cultures*. Cambridge University Press, 1993.

археологии, стали намного шире, чем до тех пор, трактоваться археологические находки: как культурные ресурсы, которые нужно охранять и поддерживать.

Кстати, этот взгляд получил массовое распространение довольно рано, – сразу после Второй мировой войны, когда управление археологическим наследием начали считать составным элементом социального и экономического планирования<sup>32</sup>. Большое влияние здесь оказали не только массовые послевоенные реконструкции, но и экономический рост 60-70 гг. XX в., приведший к очевидным трансформациям природного и культурного ландшафтов. В ответ на это в 1980-е гг., как известно, развернулось экологическое движение. Все упомянутые факторы ускорили формирование нового законодательства в области охраны археологического наследия. Но тогда как на уровне археологической теории, так и на уровне практического применения понятие «ресурса», по Я. Ходерру, больше указывало на утилитарное видение прошлого как пассивного материала, противоположное активным и творческим методам его использования, которые стали применяться с 80-х гг. XX в.<sup>33</sup> Эти методы основывались и развивались на восприятии некоторых идей из антропологии, этноархеологии и экспериментальной археологии.

В последние годы XX в., с появлением компьютеров и Интернета, внимание к археологии еще больше усилилось. Впервые для обработки археологических материалов компьютер применили в начале 1970-х гг., что позволило использовать четко стандартизированное кодирование и типологизированные системы<sup>34</sup>. Благодаря этим технологическим новинкам стало возможным осуществлять такие международные проекты, как RAMSES (*Remote Archaeological Mobile Support Enhanced System*), PAST (*exPeriencing Archaeology across Space and Time*), виртуальные реконструкции различных объектов археологического наследия<sup>35</sup> и др.

Кроме того, глобализационные процессы вызвали потребность вос/создавать и/или поддерживать исторические и культурные идентичности, что, как мы увидим, имело большое значение для изменений общественного статуса археологии. Обострившаяся критическая спорность самих предпосылок научного познания и осознания его социальных условий привели не только к постановке вопроса «На основании чего интерпретируется прошлое?», но и «Во имя чего это делается?». Формировалось понимание того, что все науки, исследующие прошлое, должны не забывать и свою социальную роль, т.е. сделать прошлое все более доступным всем социальным группам. Согласно этим взглядам, роль археологии в охране и использовании культурного наследия достойна самого широкого обсуждения.

Однако не каждое важное для науки место является и местом живой памяти – именно таково большинство мест археологических находок. По мнению К. Помиана, археологические места и коллекции начинают свое существование во времени с утилитарной ценности, позднее, потеряв ее, становятся отходами («руинами» или «останками»), пока наконец, после их открытия заново, не получают значимый научный статус. Так, только становясь функционально бесполезными, они оказываются в ранге семиофоров (носителей смысла)<sup>36</sup>.

Сегодня считается, что укоренение национализма на политической арене Европы оказало действительно определяющее влияние на формирование археологии как самостоятельной дисциплины, отличающейся не только академической, но и институциональной автономностью. Можно даже смело утверждать, что без идеологии национализма археология как исследование прошлого могла никогда не достичь нового уровня, оставаясь только увлечением или хобби отдельных лиц<sup>37</sup>. Кроме того,

<sup>32</sup> Henry Cleere, Introduction: the Rationale of Archaeological Heritage Management, *Archaeological Heritage Management in the Modern World*. London, Routledge, 2000, p.2.

<sup>33</sup> Ian Hodder, Changing Configurations: the Relationships between Theory and Practice, *Archaeological Resource Management in the UK. An Introduction* (ed. by M. Hunter). London, Sutton Publishing, 1997, p. 13.

<sup>34</sup> F. R. Hodson, P. Sneath and J. Doran, Some Experiments in the Numerical Analysis of Archaeological Data, *Biometria*, 1966, No. 53, p. 311-324.

<sup>35</sup> Marion Blockley, The social Context for Archaeological Reconstructions in England, Germany and Scandinavia, *Archaeologia Polona*, 2000, vol. 38, p. 56.

<sup>36</sup> Krzysztof Pomian, Musée archéologique: art, nature, histoire. *Le Débat*, 1981, Nr. 12, p. 57-68.

<sup>37</sup> Margarita Diaz-Andreu, Timothy Champion, *An Introduction, Nationalism and Archaeology in Europe* (ed. by M. Diaz-Andreu and T. Champion). London, Westview Press, 1996, p. 3.

тесная связь национализма и археологии считается общим явлением для всех стран Европы за последние 200 лет.

Именно в XIX в. изолированные и не имеющие большого веса в обществе группы интеллектуалов – любителей истории – смогли получить больший социальный статус, и идеология национализма распространилась в массах, а культурные деятели стали их вождями. Две фазы развития национализма, отмеченные М. Хрохом<sup>38</sup>, прослеживаются и в археологии. В первой фазе только немногочисленные индивиды интересовались материальными реликтами прошлого, для описания которых националистская риторика еще не была значима (эпоха Просвещения).

Кажется, что странами, первыми вошедшими во вторую фазу, были Швеция, где первые регламентирующие сферу национального наследия законы появились еще в середине XVII в.<sup>39</sup>, и Дания. В начале XIX в. интеллектуалы этих стран использовали археологические данные как основу для национальной идеологии<sup>40</sup>. Третьей фазой была институционализация дисциплины, усилившаяся во второй половине XIX в. (международные конгрессы археологов). В то время этничность и язык уже стали основными предпосылками создания нации. Тогдашний эссенциалистский национализм оказал большое влияние на формирование археологии поработанных народов и начальную институционализацию ее под видом различных содружеств. Как известно, XIX в. был и временем создания национальных музеев.

С точки зрения теоретиков, связи национализма и археологии, о которых шла речь выше, могут исследоваться в четырех основных аспектах: 1) роль археологии в формировании национальной идентичности; 2) связь между созданием национального государства и институционализацией археологии (возможная связь – законодательство в области охраны памятников); 3) популярные, массовые представления об археологии, создаваемые чаще всего с помощью медиа-музеев, популярной литературы или различных форм искусства; 4) значение археологии для усиления лингвистических или этнических элементов конструирования национальной идентичности (особенно для идентификации археологических культур с конкретными этническими или лингвистическими группами).

В этом отношении также было бы интересно провести исследование связи различных национальных меньшинств и археологии<sup>41</sup>. Кроме того, политологически можно различать два возможных националистически ангажированных варианта археологии: 1) положение археологии в нации-государстве; 2) политическое значение, придаваемое археологии поработанными нациями, – может быть, даже сильнее и осознаннее.

Выявляется определенная связь археологии и мифологических рассказов, характерных для националистического нарратива. Так, теоретик национализма А. Смит выделяет основные типы национальных мифов: происхождения, предков, золотого века, упадка и возрождения<sup>42</sup>. Социальная практика многих стран показала, что археологические данные и памятники могут быть успешно использованы в актуализации мифов и обосновании их «реальности». Особенно они подходят для документирования мифов о «происхождении», в отношении времени – приблизительно, однако в отношении пространства – довольно точно.

Археология может способствовать и распространению мифа о «золотом веке»<sup>43</sup>. Некоторые нации переживали времена военной и политической мощи или большого территориального господства, другие – периоды расцвета технологий и искусств, третьи – идилию сельского благополучия. Эти образы прошлого археология может поддерживать определенными доказательствами, например такими, которые помогли М. Гимбутене сформулировать теорию матриархального общества –

<sup>38</sup> Miroslaw Hroch, *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cpnbridge University Press, 1985.

<sup>39</sup> Kristian Kristiansen, *Perspectives on the archaeological Heritage: History and Future*, *Archaeological Heritage Management in the Modern World* (ed. by Henry Cleere). London, Routledge, 2000, p. 25.

<sup>40</sup> Margarita Diaz-Andreu, Timothy Champion, *An Introduction...*, p. 4.

<sup>41</sup> Margarita Diaz-Andreu, Timothy Champion, *An Introduction...*, p. 5-6.

<sup>42</sup> Anthony D. Smith, *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1989.

<sup>43</sup> Margarita Diaz-Andreu, Timothy Champion, *An Introduction...*, p. 21.

«золотого века» Европы до появления индоевропейцев<sup>44</sup>, позднее использованную представителями неоязыческого и феминистического движений.

Уже упоминалось, что, только став политически значимой, археология была институционализирована. Археологические знания и символы опускались из сфер высокой культуры вниз, происходила ее демократизация. В результате прошлое могло стать звеном социальной коммуникации, которая не могла оставаться только научно объективной и нейтральной, а как раз переплелась с эмоциями, что ей придавало силу и одновременно делало опасной.

Известно, что археология оказала большое влияние на возникновение немецкого национализма. Уже около 1880 г. немцев стали отождествлять с «чистыми» индоевропейцами. Археологи-любители Людвиг Уилсер и Уилл Пастор были предтечами этого направления, однако оно стало доминирующим только благодаря Густафу Коссинне, который сочетал свои археологические исследования с верой в превосходство немецкой расы. Археология начала XX в. и национал-социалистического периода уже служила идеологическим обоснованием немецкой экспансии на Восток<sup>45</sup>.

В свою очередь интерес поляков к прошлому усилился после последнего передела Речи Посполитой в 1795 г., когда антикваризм стал одним из компонентов польского национального движения. Их исследователи стремились научно определить территории проживания славян, фиксируя четкую границу с германцами и, наоборот, пытаясь ее передвинуть как можно дальше на Восток, охватывая литовские, белорусские и украинские территории, обосновывая это идеологией панславизма<sup>46</sup>.

Кроме этих, хорошо известных, примеров отмечены случаи, когда в стремлении уничтожить любые следы более раннего существования поработенных народов на занятых завоевателями территориях и таким образом отвергнуть их исторические претензии уничтожались и археологические памятники. Так, например, еврейские археологи в Палестине уничтожили культурные слои арабов в поисках более древних – иудейских<sup>47</sup>.

Акцентируя непосредственную взаимосвязь силы и знания (известное *savoir* и *pouvoir* М. Фуко), постмодернистское видение демаскировало господствовавшие до него утверждения, что наука якобы нейтральна и аполитична. На самом деле наши знания о прошлом не являются ценностно беспристрастными и объективными, как нередко считалось. Например, в западных демократиях надолго оставался популярным имплицитный «тезис прогресса». История воспринималась как прогрессирующее движение от более низкого прошлого к более высокому настоящему и еще более обещающему будущему, игнорируя тупики, регрессию или противоположные течения. Очевидно, что и археологические находки становились иллюстрацией этого взгляда.

Интерпретации экспозиций некоторых музеев, охватывающие социальную и экономическую жизнь, технологии, костюм, оружие или искусство, все еще опираются на фундаментальную имплицитную идею прогресса, а антропологические музеи создают контраст с современностью, показывая посетителю традиционные «примитивные» общества. Все это наводит посетителя на мысль, что время и место настоящего являются неизбежной и очевидно ожидаемой кульминацией событий прошлого. Такая стратегия имела двойную пользу: руководящая элита представляла себе, что она по праву обладает властью, а индивиды ощущали, что являются вершиной и окончательным продуктом развития исторической эволюции<sup>48</sup>.

---

<sup>44</sup> Marija Gimbutas, *The Civilization of the Goddess. The World of Old Europe*. San Francisco, Harper, 1991.

<sup>45</sup> Ingo Wiwiorra, *German Archaeology and its Relation to Nationalism and Racism, Nationalism and Archaeology in Europe...*, p. 164-188.

<sup>46</sup> Włodzimierz Rączkowski, "Drang nach Westen"? Polish archaeology and national identity, *Nationalism and Archaeology in Europe ...*, p. 189-217.

<sup>47</sup> J.E. Tunbridge, G. J. Ashworth, *Dissonant Heritage...*, p. 56.

<sup>48</sup> J.E. Tunbridge, G. J. Ashworth, *Dissonant Heritage...*, p. 48.

Постмодернистский взгляд, выразивший сомнение в неизбежности прогресса, разрушил эту идиллию. Если признать, что та или иная идеология неизбежно взаимодействует с научными дисциплинами, возникнет вопрос: в каком масштабе это происходит и как мы должны оценивать политизацию академической сферы?

При этом во второй половине XX в. особенно остро встала проблема общественной роли различных наук. Археология, значение которой для конструирования идентичностей еще нужно всесторонне оценить, в этом смысле не была исключением. Если учитывать современную социополитическую конъюнктуру, то историческая археология является серьезным аргументом в руках непривилегированных общественных групп, поскольку история в прошлом опиралась на письменные источники, отражающие идеологию социальных элит.

Демонстрируя реликты повседневной жизни анонимных масс, археология содействует плюрализму и демократичности современного общества<sup>49</sup>. Значение этой дисциплины для своей групповой идентичности особенно хорошо поняли постколониальные общества, чернокожие и женщины. Для них археология стала значимой вследствие ее материальности и осязаемости, поэтому политические или культурные претензии они могли обосновать определенной объективностью. Археологическая информация также стала сильным аргументом локальных групп в защиту мест их проживания от вызванного массовым развитием коммерции уничтожения природной среды. Так вели себя, например, аборигены Австралии, инуиты Канады, саамы Норвегии<sup>50</sup>.

Идентификация археологических и исторических мест, связанная с упоминанием важных мифологических или исторических событий, действительно поднимает сложные проблемы интерпретации их «собственности». Эти места могут стать материальным выражением общественной идентичности конкретной группы, своеобразным культурным ориентиром. Здесь неизбежно встает вопрос интерпретации таких мест и установления иерархий управления. Например, исключительное, «универсальное» значение некоторых из них (если это места всемирного наследия) может вместе с тем переплетаться и с национальным или локальным значением, усложняя их символическое «усвоение».

Объект археологии – материальные следы человеческой деятельности в ландшафте. Археологические методы варьируют от микроскопического анализа остатков одежды и инструментов до реконструкции целых исторических ландшафтов, обнаруживаемых и с помощью аэро-археологии. Все эти методы подходят для исследования как недавнего, так и доисторического прошлого. Они дополняют исследования историками письменных источников, выявляя аспекты жизни, которые редко фиксировались письменно. Как уже упоминалось, просвещенные представители элиты были склонны делать в своих записях акцент на политически значимые события и прославлять деяния великих личностей, не обращая внимания на нерепрезентативные элементы повседневной жизни или изменение технологий. Однако выбор только второго пути чреват опасностью скатиться на уровень упрощенного материализма или анахронистически приписать обществам прошлого современные мотивы и стремления.

Одна из важнейших задач теории и практики современной археологии – определение культурной и социальной идентичности людей прошлого. Понятие «идентичность» как аналитический инструмент используется археологами при желании исследовать культурное разнообразие и объяснять вариации культурного и социального межгруппового взаимодействия. Однако очевидно, что этот термин, применяемый только к более древним эпохам, для современного «постмодернистского существования» становится все более размытым и туманным. Идентичность часто смешивают с понятием «этничность», но на самом деле это просто самоопределение по отношению к Другому.

<sup>49</sup> Mark P. Leone et al., Can an African-American Historical Archaeology be an Alternative Voice? *Interpreting Archaeology. Finding Meaning in the Past* (ed. by J. Hodder et al.). London, Routledge, 1995, p. 111.

<sup>50</sup> Ian Hodder, *Praeities skaitymas...*, p. 200-201.

Археология как постколониальных стран, так и Европы сегодня занята определением коллективных идентичностей в процессах интеграции или дезинтеграции. Это напрямую связано с создаваемой супранациональной коллективной европейской идентичностью, опирающейся на все более популярные локальные и региональные общества. На всех этих уровнях предыстория и древняя история становятся источником метафорических связей с прошлым, из которого заимствуются различные мифы. Благодаря археологическим реликтам локальные группы, нации или вся Европа могут поддерживать ощущение неразрывной культурной преемственности. Однако последняя может вести как к унижению или невнимательному отношению к «другим», так и к обнаружению «предков»<sup>51</sup>. Например, как ответ на испытываемое постмодернистским обществом чувство неуверенности в будущем на разных континентах, да и в самой Европе, усиливается и религиозный, и культурный фундаментализм и неонационализм, кое-где получающий довольно радикальные формы в виде группировок правых радикалов, воюющих против эмигрантов, которые часто используют не всегда соответствующие действительности образы «славного прошлого народа», в том числе и основанные на открытиях археологии<sup>52</sup>.

Как уже упоминалось, евроинтеграция вызывает и потребность в переписывании национальных историй, делая акцент на континентальной перспективе. Недаром Совет Европы поддержал археологические исследования бронзового века, следы которого можно найти на всем континенте как периода, наиболее соответствующего панъевропейской модели. И наоборот: пропагандируемые Реми Врагом и другими историками романская<sup>53</sup> и викингская модели оказались отвергнутыми, поскольку не везде представлены, кроме того, они вызывают неприятные ассоциации с завоеваниями и присоединением одной части континента к другой<sup>54</sup>.

Еще одно основание для формирования общеевропейской идентичности – «места памяти» общей истории. Например, внимание археологов уже давно привлекали поля исторических сражений. Сначала появившись в местностях Литл Бигхорн и Пало Альто в США, позднее этот интерес стал особенно популярным в Великобритании, где предпринимались попытки сделать их притягательными для туристов. Сегодня примеры исследования и управления такими местностями можно найти в Северной Америке, Англии и Европе, где они охватывают период от средних веков до XX в. Одна из последних попыток в этом плане – проект Bloody Meadows, предназначенный для сравнительного анализа форм и интерпретаций ландшафта этих специфических мест<sup>55</sup>. Такие местности являются общим достоянием различных народов, олицетворяющим «спорную» память<sup>56</sup>. В них ведется постоянная работа по переинтерпретации наследия, обусловленная политической и культурной конъюнктурой и связанная с более поздними конфликтами наций или другими событиями.

Обобщая сказанное, можно отметить, что до кризиса теории 70-х гг. XX в. археологи считали прошлое объективной данностью, которую можно узнать и понять, в последние же годы они все больше реагируют на социокультурные потребности современного общества. Прошлое становится живым, интерпретируемым и/или переинтерпретируемым, т.е. доступным. Так что «чистая» археологическая теория и «чистая» эмпирическая практика столкнулись с новыми вызовами. После признания влияния социополитической среды была опровергнута академическая «нейтральность», а все усиливающаяся практическая потребность в интерпретации конкретных объектов наследия сводит на нет абстрактность археологической теории<sup>57</sup>.

<sup>51</sup> Anna Gröhn, Searching for „Unity in Diversity“. Ancestors in the European Village. Examples from the Scandinavian Bronze Age, 8th EAA Annual Meeting, 24-29 September 2002. Thessaloniki, Hellas, p. 27.

<sup>52</sup> Bjornar J. Olsen, Excavating the Oother: European Archaeology in the Age of Globalisation, *Quo vadis Archaeologia? Whither European Archaeology in the 21st Century* (ed. by Z. Kobilynski). Warsaw, 2001, p. 47-56.

<sup>53</sup> Rémi Brague, *Europe, la voie romaine*. Paris, Gallimard, 1999.

<sup>54</sup> Gregory J. Ashworth, Heritage, Tourism and Europe: a European Future for a European Past? *Heritage, Tourism and Society...*, p. 68-84.

<sup>55</sup> John Carman, Bloody Meadows: the Places of Battle, *The Familiar Past?* (ed. by S. Tarlow and S. West). London, Routledge, 1999.

<sup>56</sup> John Carman, Over the Hills and over the Plain: The Marking and Memorialising of historic Battlefields in Flanders, Portugal and Spain, 8th EAA Annual Meeting, 24-29 September 2002. Thessaloniki, Hellas, p. 27.

<sup>57</sup> Ian Hodder, Changing Configurations: the Relationships between Theory and Practice, *Archaeological Resource Management in the UK. An Introduction* (ed. By J. Hunter). London, Sutton Publishing, 1997, p. 18.

Археологическая теория и практика на стыке XX-XXI вв. все больше приспособляются к требованиям постмодернистского мира – услышать голоса ранее субординированных групп, а современные интерпретации прошлого считать частью индустрии культуры. Уже упоминалось, что массовый интерес к культурному наследию на Западе стал доминирующим в 80-90-х гг. XX в. и превратился в настоящую индустрию наследия, которая чаще всего связывается со сферой бизнеса, а также развлечениями, поверхностностью, фасадизмом и несерьезностью. Поэтому некоторые археологические особенности в постмодернистском мире становятся привлекательными как источник создания различных новых культурных образов, а это вызывает коммерческий спрос на них. Например, видя археологические объекты или прикасаясь к ним, мы понимаем, что этим самым напрямую соприкасаемся с давним прошлым. В итоге объекты начинают использоваться как своеобразная иллюстрация «путешествия» во времени и служат культурному туризму, часто обращающемуся к их воспроизведению или воссозданию. Поэтому, хотя археологические реконструкции иногда становятся объектами критики специалистов, они несомненно притягивают широкую публику, особенно школьников.

Их успех связан непосредственно с влиянием на все чувства любого посетителя (не только на зрение и слух, но и обоняние, вкус, осязание), независимо от возрастных, образовательных, социальных и других различий туристов<sup>58</sup>. Кстати, значение археолого-этнографических реконструкций как самого действенного и эффективного способа познания прошлого было осознано уже довольно рано, особенно под воздействием националистической идеологии, что подтверждает знаменитый музей Дарлингхаузена в нацистской Германии, реконструкция крепости Бискупин в Польше и множество других объектов подобного рода<sup>59</sup>. Иногда же попытки воссоздания жизни прошлого представляют довольно статичный образ с «быстрым перескакиванием» по археологическим периодам, когда почти не остается места для демонстрации эволюционных изменений. Высказываются и сомнения в самой возможности воспроизвести поведение людей прошлого из-за абсолютного отличия нашего культурного багажа<sup>60</sup>. И сегодня при выполнении реконструкций различных археологических объектов, к сожалению, сохраняется напряжение между стремлениями к объективности, аутентичности и доступности восприятия для неспециалистов.

Уже упоминалось, что археологию теперь привлекательной и популярной делает и то, что ее материал больше всего отражает повседневность обычных людей – наших предков. Наряду с этим археологические раскопки будоражат воображение «непосвященных» приключениями и сенсационными находками, привлекают внимание к таким персонажам массовой культуры, как Индиана Джонс или Лара Крофт. Кстати, было бы интересно отдельно проанализировать влияние этих образов на отражение изменяющихся стереотипов о роли полов (в археологии, и не только).

Как известно, на какое бы разнообразие теорий археология ни опиралась, она все равно имеет дело с материальными объектами, которые легко могут быть превращены в подходящие для рынка товары, как непосредственно, в виде копий или сувениров древних артефактов, так и косвенно, как интерпретации прошлого, привлекательно «упакованные» средствами масс-медиа. Сегодня менеджеры и интерпретаторы местностей наследия, в том числе и археологических, должны ответить на целый ряд вопросов. Будут ли посетители иметь возможность четко понимать различие между аутентичными следами прошлого и только вероятными историческими реконструкциями? Как достичь того, чтобы интерпретации конкретных ценностей наследия были и исторически правильными и вместе с тем интересными? Какие современные технологии могут наиболее эффективно содействовать образовательным целям? Какие типы репрезентаций наследия дают больше культурной и просветительной информации, а какие прежде всего служат целям рекреации? Каким образом отбор объектов наследия и распределение в экспозициях позволяют получить эффект «познания» и «правды»?

<sup>58</sup> Ibid., p. 90-92.

<sup>59</sup> Marion Blockley, *The social Context...*, p. 46-47.

<sup>60</sup> Peter J. Fowler, *The Past in Contemporary Society...*, p. 110-113; David Lowenthal, *The Past is a Foreign Country...*, p. 212-224; Kevin Walsh, *The Representation of the Past...*, p. 53-69.